Классика научной мысли

Боббио Норберто — итальянский философ, политолог, социолог, правовед (1909 — 2004), один из крупнейших европейских интеллектуалов XX в. Получил юридическое образование, затем учился в Марбурге, где познакомился с идеями феноменологии и экзистенциализма. Разрабатывал феноменологический подход в философии права и социальной философии. В 20-е годы был членом фашистской партии, в середине 30-х годов участвовал в антифашистском движении. В 1996 г. вступил в партию левых демократов, выступал с резкой критикой Сильвио Берлускони и его политического режима.

Размышления Боббио Н. о природе и сути власти нам представляются актуальными в контексте решаемых проблем, стоящих перед российским обществом и мировым сообществом в целом. Власть множественна, многолика, властей много на разных уровнях, власть гнездится в наитончайших механизмах социального обмена, проникает как радиация во все поры социальных отношений, и человек теряется. Совершите революцию, истребите власть, и она возродится вновь, расцветет при новом положении вещей.

Подобная расширенная трактовка власти возможна за счет неинституциональных ее форм, скрытых, невидимых для широкой публики. Н.Боббио выделяет различные формы власти в зависимости от ее «видимости», прозрачности. Видимость — чрезвычайно важный критерий демократичности политической системы, поскольку демократия — это проявление видимой власти, которая осуществляется публично. Такое правление подобно спектаклю, на который приглашаются все граждане. Две тысячи лет назад Платон назвал такое правление «театрократией».

Кроме видимой, публичной власти существует и скрытая, власть «теневого» субправления, «криптократия» (от лат. kryptos — скрытый, тайный). «Криптократия» осуществляется посредством тайных операций, связывающих правительство с олигархами, партиями. Субправление весьма устойчиво. Правительства меняются, а субправление остаётся, этим обеспечивается устойчивость политической системы, правительственные кризисы даже делают его более устойчивым.

Н.Боббио видит определённую роль интеллектуалов, как социальной прослойки, в этих спектаклях в каждую эпоху, со времен Платона. Обращение к теме «Интеллектуалы и власть», несомненно, простимулирует творческие интенции в самосознании и самооценке своей роли в историческом процессе современных «интеллектуалов».

© Жовтун Д.Т., 2011

Н. Боббио

Интеллектуалы и власть[1]

Среди разных подходов к проблеме интеллектуалов наиболее распространены социологический и исторический. В большинстве работ, опубликованных за последнее время, интеллектуалы предстают как класс или группа, исследуются отношения этого класса с другими классами, описывается его история в определенный период или в определенной стране. Знаменитый анализ Грамши, стимулировавший дискуссию по этой теме не только в Италии, имеет и социологические (различия интеллектуалов «органических» и «традиционных»), и исторические черты (вспомним его заметки, посвященные итальянским интеллектуалам, и мысли об их собратьях в других странах). Но лишь отчасти верно, когда говорят, что размышлять об интеллектуалах стали только недавно. Ведь начиная с «Республики» Платона философы всегда были заняты осмыслением своего социального поведения и долга. Современные же дискуссии восходят к времени Грамши, писавшего свои заметки из тюрьмы: это – социологический анализ. Здесь можно вспомнить и Манхейма, вызвавшего дискуссию об интеллектуалах как классе, зависимом или независимом,- она себя еще вовсе не исчерпала.

[…] Отсюда – первое ограничение. Не касаясь ни социологии, ни истории интеллектуалов (хотя и то и другое – наши предпосылки), мы намерены говорить об их этике или, если угодно, политике. Это не аналитический, а предметный, нормативный, предписывающий подход. Речь не о том, кем являются и что делают интеллектуалы, а о том, кем они должны быть и что должны делать. На мой взгляд, данное различие существенно, ибо главное затруднение в этой проблеме есть результат почти всегда бессознательного противо-

---

[1] Доклад Н. Боббио на конференции «Партии и культуры» (1977, Милан).

Печатается по: *Боббио Норберто*. Интеллектуалы и власть // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др. ; Ред.-науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. – М. : Мысль, 1997. – С. 546–551, 555–562.

поставления реального бытия и социального долга интеллектуалов в определенном обществе.

Да, текущая пресса отнюдь не обходит интеллектуалов своим вниманием. Но большинство подобных выступлений предписывает, т. е. выражает, желания и надежды их авторов, даже навязываясь публике как мнимо «аналитические». Уже поэтому они совершенно ошибочны. Возьмем, к примеру, случай, когда кто-то утверждает: «Интеллектуалов более не существует». При этом никогда не поймешь, верит ли автор на самом деле, что они оставили бренный мир, или же, гораздо вероятнее, выражает лишь свои пожелания. Другой пример. Некто обвиняет всех интеллектуалов в прислужничестве властям. Неясно, исходит ли автор из реальных исследований о социальной роли своих собратьев или просто жаждет «всех обличить», взамен представив миру идеал свободного, мятежного, созидающего и т. п. интеллектуала.

Мы не собираемся выяснять, являются ли интеллектуалы мятежниками или конформистами, свободными или прислужниками, независимыми или зависимыми. Наша задача – обменяться идеями о том, чего желают интеллектуалы, исповедующие определенное политическое направление, и как надлежит им действовать. Такое познание не может быть коллекцией общих суждений, обычно основанных на фальшивых обобщениях типа «Интеллектуал – это…», «Интеллектуалы говорят . . .» и т. п. Фальшивые обобщения – орудия полемики, а не инструменты познания. Они исходят из неявных оценочных суждений. Утверждающий, что все интеллектуалы – прислужники власти, попросту хочет выразить им свое презрение. Когда Сорель определял их как паразитарный слой буржуазного общества, он прикрывал оценочное суждение фактическим; из этой же серии – пример Ленина, который, вслед за Каутским выдвигал тезис об интеллектуалах как необходимом звене для создания революционной партии. Ясно, что в качестве фактического суждения точка зрения Сореля по поводу интеллектуалов была целиком и полностью ошибочной.

После такого ограничения относительно способа ведения дискуссии второе ограничение коснется ее содержания. Если прибегнуть к гастрономическим сравнениям и уподобить теорию об интеллектуалах громадному торту, то наш аппетитный кусочек связан с их ролью в Политике. Но «кусочек» этот столь велик, что зачастую заменяет все остальные. Здесь я ограничусь лишь указанием на причину, благодаря которой данная тема, хотя и специфичная в рамках общей дискуссии об интеллектуалах, все же огромна.

Дело в том, что она сама – аспект более широкой темы отношения между теорией и практикой, между «базисом» и «надстройкой», а в еще более общей форме – между миром идей и миром действий. Как аспект намного более широкой темы, она не только огромна, но и трудна. У меня создалось впечатление, что не все, рассуждающие о проблеме интеллектуалов и их роли в обществе, ясно отдают себе отчет в такой трудности.

Из-за этого многие дискуссии о роли и ответственности интеллектуалов – лишь поверхностные словопрения, вызванные (что никогда методически не анализируется) удовольствием или, точнее, потребностью интеллектуалов говорить о себе самих.

[…] Третье ограничение касается самих субъектов нашего выступления: тех, кто относится к интеллектуалам. Непонимание этого зависит от исходного определения. Я отвлекаюсь от прежних дефиниций, ибо они условны, т. е. зависят от употребления. Самое широкое определение включает всех, кто занимается умственным трудом в отличие от физического. Самое узкое охватывает лишь выдающихся интеллектуалов, так называемых мэтров мысли. Оба определения малопригодны для рассмотрения вопроса «интеллектуалы и политика». Здесь необходимо придерживаться некой средней позиции, не забывая ее условности.

К счастью, ограничение определения задается ограничением темы. Ясно, что при широком подходе в интеллектуалы попадут артисты, поэты, романисты. В то же время когда ставится проблема отношения между политикой и культурой и вспоминаются дискуссии по данной теме: о вовлеченности или невовлеченности, предательстве или непредательстве – в общем о задаче интеллектуалов в гражданской и политической жизни, то поле с необходимостью сужается. По крайней мере далеко не все, кого можно назвать интеллектуалами, согласно общепринятой мерке, – предмет нашего интереса.

В спорах, ведущихся по поводу отношения между политикой и культурой, выделяются главным образом два типа интеллектуалов: те, кого я называю идеологами, и те, кого можно охарактеризовать как экспертов. Я считаю это различие важным, независимо от того, что один и тот же индивид может быть и идеологом, и экспертом, однако оно объективно, а не субъективно, потому что и те и другие исполняют в политическом измерении разные функции. Это различие не соответствует ни известному разделению Грамши «органических» и «традиционных» интеллектуалов[1], ни общепринятому разграничению гуманитариев и технических специалистов (согласно известному разделению двух культур). В критерий проводимого мной различия не входят зависимость или независимость от социальных слоев, борющихся за господство, равно как и уровень компетентности (хотя есть определенное родство между идеологом и «традиционным» интеллектуалом, а также между экспертом и «органическим» интеллектуалом; и зачастую идеологами являются гуманитарии, а экспертами – технические специалисты). Данный критерий единственно приемлем в дискуссии, предмет которой – политическая задача

[1] Согласно Грамши, «органические» интеллектуалы выдвигаются социально активными стратами общества и помогают этим стратам реализовывать политическое управление и социальную гармонию, а «традиционные» интеллектуалы формируются на протяжении веков и связаны в первую очередь с сельской и мелкобуржуазной городской средой. См. , напр. : Грамши А. Искусство и политика. Т. I. М. , 1991. – С. 168–184.

интеллектуалов. То, что на деле отличает один тип от другого,- это и есть различные задачи, преследуемые ими как творцами или распространителями политически важных идей или знаний, и различная роль, которую они призваны играть в политическом контексте.

Отсутствие подобного разграничения приводит к неверным обобщениям. Одно из общих мест многих работ – пренебрежительная оценка интеллектуалов как создателей консенсуса в отношении власть имущих. Здесь забывается, что есть интеллектуалы, заботящиеся о консенсусе, так же как есть интеллектуалы, отстаивающие инакомыслие (об этой функции нельзя забывать именно в наши дни, когда в странах, где консенсус – результат принуждения и манипуляции, интеллектуалы – единственные инакомыслящие). Кроме того, имеет смысл отметить, что как инициаторы консенсуса с власть имущими (а значит, инакомыслящие в отношении противоположной стороны) интеллектуалы являются идеологами, а не экспертами.

Другое общее место – интеллектуалов негативно рассматривают как советников правителей. Здесь нужно отметить, что данную роль исполняют не идеологи, а эксперты; к тому же есть интеллектуалы, дающие советы правителю, и другие – дающие советы его противнику (который может стать правителем в будущем).

Я не вдаюсь в дефиниции. Думаю, достаточно сказать, что идеологи – это те, кто поставляет руководящие принципы, а эксперты – те, кто обеспечивает средства познания.

Любая политическая или социальная акция нуждается, с одной стороны, в генеральных идеях по поводу своих целей (промежуточных или конечных) – их можно назвать принципами, ценностями, идеалами или и вовсе «концепцией мира», с другой стороны, в технических знаниях, абсолютно необходимых для решения (или хотя бы предложения решения) проблем, выходящих за пределы интуиции чистых политиков и требующих специфических знаний компетентных специалистов. (С тех пор как государство стало вмешиваться во все сферы жизни, в частности в экономические и социальные отношения, необходимость технических познаний резко возросла: очевидно, что нельзя бороться с инфляцией без учета мнения экономистов и проводить реформы здравоохранения без учета мнения медиков. Государства всегда имели своих экспертов: достаточно вспомнить о юристах и военных. Их было меньше только из-за того, что они ограничивались устранением конфликтов власти, разрешавшихся либо с помощью права, либо при помощи войны.)

[…] Наше разграничение идеологов и экспертов опирается на сформулированное Вебером различие между рациональной деятельностью ценностного и целевого порядка. Идеологи – это те, кто вырабатывает основополагающие принципы и проекты связанных с ними действий, являющихся рациональными по своей последовательности, поскольку они оправдывают-

ся, а значит, одобряются и «легитимируются», так как соответствуют ценностям, избранным как руководство к действию. Эксперты — те, кто, указывая на наиболее нужные знания, способные привести к определенной цели, поступают таким образом, чтобы соответствующие действия могли называться рациональными относительно цели. У идеологов акцент — на цели, у экспертов — на средства. Типичным образцом идеологической дискуссии является хорошо известная дискуссия о демократии и социализме, танцующая вокруг первых принципов: если на основе такой дискуссии партия заявляет, что никогда не откажется от принципов демократии, определяемых так-то и так-то, не отрекаясь в то же время от целей создания социалистического общества, это означает, что она стремится поступать рационально относительно цели. А не менее горячая и актуальная дискуссия об обоснованности или необоснованности строительства атомных электростанций сводится к выяснению: какие средства наиболее пригодны для достижения поставленной цели (сама она — вне обсуждения). Здесь действие, рациональное относительно цели, совершает тот, кто, используя всю представленную экспертами информацию, избирает конкретное средство.

Однако разграничение принципов, приемлемых независимо от прямых последствий, и тех, которые принимаются только в зависимости от результата, не настолько четко, чтобы принять настолько же явное разделение в соответствующих дискуссиях. Обычно идеолог, парящий в небе принципов, понимает, что время от времени он должен спускаться на землю и видеть происходящее; искусственный спутник, переставший давать информацию тем, кто его запустил, вращался бы вокруг Земли без смысла, и его можно было бы считать потерянным.

И все же идеолог, никогда не ступающий на землю, существует-это утопист. Для него разделение целей и средств абсолютно, как и у чисто технического специалиста, ставящего свою компетентность на службу власть имущим, но игнорирующего проблему законности целей. Утопист целиком поглощен целью и пренебрегает средствами, чистый техник целиком поглощен средствами и пренебрегает целью. В идеологическом диспуте проблема целей обычно неотделима от проблемы средств, так же как и в технической дискуссии проблема средств обычно не отделяется от споров о цели. Тем не менее такие крайние случаи чистого идеолога (утописта) и чистого эксперта (техника) все же есть. Именно они позволяют считать данное разграничение целесообразным. К тому же подобные крайности ныне наглядно проявлены в жестком конфликте, за которым просматривается возможная конечная катастрофа индустриального общества, не способного противостоять ни возрождению утопизма — как триумфа чистой идеологии, ни провозглашению конца идеологий — как триумфа чистого техницизма.

[...] Возможно, что это взгляд неполитика, каковым я являюсь (однако неполитик не означает аполитик, тем более политикофоб: мнимый аполитик

и похваляющийся политикофоб на деле всегда реакционны), — но взгляд этот подкреплен авторитетом давней традиции мысли и историческим опытом. Гегель, как автор доктрины этичности государства, наряду с объективным духом, кульминацией которого является государство, выделял дух абсолютный: в нем проявляются и развиваются три наиболее высокие формы человеческого духа: искусство, религия и философия. Уроки истории показывают, что политика — сфера человеческих отношений, где реализуется стремление к власти. И хотя те, кто его реализует, верят, что именно их власть преследует благо, но не может не вызвать подозрения эта уверенность любой политической стороны в том, что использование ею своей силы преследует благо, а использование силы противником — зло. (Достаточно напомнить обоснование целей войны враждующими сторонами или обоснование целей борьбы революционерами, и контрреволюционерами.) Повторяю, речь идет вовсе не о том, чтобы отвергнуть политику, но о том, чтобы ее последовательно преодолевать, вместе с тем признавая необходимость ее функций.

Идеи без силы — это призраки. Но порой и призраки обладают силой. «Призрак бродит по Европе» — такое не забывается!.. Сила необходима, поскольку без процесса ее монополизации, осуществляемого государством, человеческое общество сейчас бы не выжило. И монополия на силу — единственная, которую государству нужно брать на себя (ибо, конечно, единая общественная сила предпочтительнее многих частных сил, враждующих между собой). Помешать монополии на силу превратиться в монополию на истину — первейшая обязанность интеллектуалов.

[…] В обоснование относительной самостоятельности культуры можно привести ряд аргументов. Первый из них касается самих субъектов культурной деятельности, а именно интеллектуалов. Что бы там ни говорили, но в обществе, характеризуемом разделением труда, интеллектуалы ныне образуют группу с отчетливо выраженными чертами. Ее члены, даже сражаясь между собой, ощущают свое единство и, общаются главным образом в своем кругу даже тогда, когда претендуют на обращение к так называемой публике. У них общие проблемы, отличающие их от других: я могу вспомнить, например, одну дискуссию, в ходе которой было написано множество статей о способе писать ясно (не все из них, говоря по правде, сами при этом отличались ясностью). Не исключено, что интеллектуал как самодовлеющий индивид, обладающий своими отличительными чертами и своими привилегиями, обречен на исчезновение в обществе, где не будет столь уродливых форм разделения труда: где писать будут уметь все, и притом ясно. Но, пока что интеллектуалы существуют и говорят о себе слишком много (и заставляют говорить о себе, чему способствует безудержная шумиха средств массовой информации). Они постоянно задаются вопросом о собственной роли, шарахаясь от самосострадания к самобичеванию, от самовосхваления к самоуничижению. Есть и те, кто провозглашает самоубийство интеллектуала: в тот момент, когда лишь удары

интеллектуалов вызывают вибрации, сотрясающие советский универсум, декларация о самоубийстве интеллектуала, обязанного принести себя в жертву на алтарь богу-движению, или богу-партии, или богу-массе, представляется либо безрассудной, либо чудовищной. Она готовит будущий ГУЛАГ.

Я констатирую, что в наших обществах интеллектуалы существуют как слой, который имеет или которому приписывают собственную роль. И существуют постольку, поскольку в большинстве случаев не отождествляют себя целиком с классом политиков даже тогда, когда посвящают большую часть своей деятельности изучению и анализу проблем, теснейшим образом связанных со сферой политики, и даже когда имеет место полное слияние в одном лице интеллектуала и политика. И хотя устранение такого разъединения между интеллектуалом и политиком желательно, но это уже иной вопрос. В истории размышлений над проблемой отношения между интеллектуалами и политикой не нова фигура философа-короля, соответствующая равной и противоположной фигуре короля-философа (времен просвещенного деспотизма). Ныне такое разъединение представляет настолько очевидный и трудно поддающийся изменению факт, что до тех пор, пока существует и будет существовать все еще не теряющая своей силы фигура профессионального политика, это не может не вызвать сохранения рядом с ней почти ее отражения: фигуры профессионального интеллектуала.

Второй аргумент в пользу относительной автономии культуры дает сопоставление сферы идей и сферы политических действий в условиях свободы мнений и, следовательно, консенсуса и инакомыслия. Первая сфера гораздо разнообразнее, шире, сложнее, дифференцированнее, богаче проблемами, чем вторая. Объяснение такого различия просто: задача интеллектуала — выдвижение идей, постановка проблем, выработка программ или только лишь общих теорий, тогда как задача политика — принятие общих решений. Каждое решение предполагает выбор из различных возможностей, а всякий выбор неизбежно представляет собой ограничение — утверждение и отрицание одновременно. Задача создателя (или манипулятора) идей — убеждать или разубеждать, поддерживать или отрицать, выражать оценки, давать советы, вносить предложения , направлять людей, к которым обращаются, с тем чтобы те составили собственное мнение. Политик имеет своей задачей определение линии действия — отталкиваясь от этого универсума различных, порой противоположных и противоречивых стимулов. У практики есть свои соображения, которые теория может и не знать. Даже самая совершенная, полная и последовательная теория, для того чтобы обратиться в решение, должна быть приспособлена к обстоятельствам. Мы не имеем в виду многообразные, не похожие друг на друга идеи, которые ежедневно тысячами выдают средства массовой информации. Они способны существовать независимо от событий и помешать любым действиям, ввергнув любого, желающего в них разобраться, в паралич.

Двигаясь вдоль веревки, которая должна вывести нас из лабиринта, мы постоянно натыкаемся на узлы. Допустим, что интеллектуал – это тот, кто может позволить себе роскошь использовать собственное терпение и собственное остроумие для того, чтобы их развязать. Но политик иногда вынужден их разрубать. В отношении данного расхождения особого различия между идеологом и экспертом не существует. Идеологии – это всегда туманные образования из мельчайшей пыли идей, форму и сущность которых определить не так легко. Они могут вдохновлять, а возможно, и направлять деятельность, но они никогда ее полностью не определяют. То, что нам часто кажется основополагающими, привлекательными идеологиями, есть не что иное, как отклонение в том смысле слова, который ему придавал Парето, т.е. оправдание задним числом уже определенных действий. Знания, представляемые экспертом, являются или должны быть менее туманными. Но не существует даже ограниченной проблемы, для решения которой не были бы выдвинуты различные предложения. И необходимо все-таки выбрать какое-то из них, если ты хочешь спуститься с неба идей на землю фактов.

[…] Здесь возникает проблема типа отношений, которые существуют или должны существовать между интеллектуалами и партиями. Она также не имеет однозначного решения. Мы, к счастью, все еще живем при режиме свободы мнений: каждая партия выдвигает предложения, которые, как ей кажется, наиболее соответствуют ее истории и идеологии, а интеллектуалы делают свой выбор.

[…] Благодаря этим всеобщим идеям, введенным в институциональную практику, светский дух пронизывает всё современное гражданское общество. Он запечатлен в правовых хартиях, составляющих нерушимую основу наших государств. Ему противостоят все формы доктринерства и слепого отрицания инакомыслия, отличающие неприемлемые для нас режимы. Я предпочитаю говорить о светском духе, а не о светской культуре. Если понимать ее как Культуру, находящуюся, как и светские партии, между марксизмом и христианством, то такой культуры не существует. Или же следует учитывать, что. между ними есть многие другие «измы» наподобие идеализма, позитивизма, прагматизма и т. д. Если же под светским духом понимать критический дух, противостоящий догматическому, то я не вижу каких-либо затруднений в признании существования светских марксистов наряду с марксистами-ортодоксами, светских католиков наряду с католиками-сектантами. В этом смысле, который является единственно исторически корректным, я утверждаю, что светская культура в Италии все еще доминирует.

Повторяю: интеллектуалов социалистического ареала много. Но сколько их конкретно, не знает никто. Это никому не известно, потому что они неорганизованны. Конечно, кое-кто мог бы утверждать, что они неорганизованны, потому что не поддаются организации, будучи неорганичными по самой своей природе. Я сказал бы, что они скорее рассеянны, чем неорганичны, и рас-

сеянны потому, что до сих пор не обрели в какой-либо партии, в ее культурных инициативах достаточно веского основания для совместных выступлений (более того, противоречивые партийные инициативы часто становятся для них стимулом рассеяться еще больше).

Говоря о необходимости организоваться, я вовсе не призываю их превратиться в органических интеллектуалов в строгом и узком смысле слова. В определенном смысле, отчасти совпадающем со взглядами Грамши, все мы лишь из-за одного факта жизни в обществе, участия в его конфликтах, являемся органичными, т. е. носителями определенных ценностей, противопоставленных иным ценностям, защищаем одни интересы против других. (Когда мы считаем, что защищаем только интересы интеллектуалов, мы в действительности защищаем определенный тип общества, в котором интеллектуалы пользуются определенными правами и, возможно, определенными привилегиями.) Мне представляется ясным, что, согласно Грамши, традиционные интеллектуалы также являются органичными относительно классов, переживающих упадок, так как, будучи органичными в прошлом, они сейчас неорганичны лишь потому, что общество, эволюционируя, поставило их вне игры. Неорганичным в этом смысле может быть назван лишь интеллектуал, который полностью отвергает мир политики, яростно замыкаясь в собственном одиночестве, как это недавно проделал кто-то из «новых философов». (По словам Бернара-Анри Леви[1], «в сопротивлении варварству нам не остается ничего другого, кроме оружия нашего языка и места нашего жилища, оружия наших музеев и места нашего одиночества. Засвидетельствовать невыразимое и оттянуть ужас, спасти спасаемое и отказаться от нетерпимого: мы не переделаем мир, но по крайней мере сможем позаботиться о том, чтобы он не разрушился…»[2]. Иначе говоря, если под органическим интеллектуалом подразумевать того, кто заменяет самоизоляцию на не менее изолирующую тюрьму догматической идеологии, то разграничение интеллектуалов органических и неорганических делается настоятельно необходимым. Но также необходимо признать, что ныне данная фигура органического интеллектуала (в узком смысле этого слова) находится на закате. Никто в подобное больше не верит. Мне кажется, что разграничение сегодня проходит не среди органических и неорганических интеллектуалов, а скорее среди интеллектуалов, уже организованных, и тех, кого организовать еще предстоит. Вернуться к принципам: думается, что это достойная задача клерка, как выразился бы Бенда. Но возвращения недостаточно. Необходимо также предоставить соответствующие инструменты для их осуществления во все более усложняющемся мире, где любое упрощение — это обман; простой отказ — это обеспечение выигрыша противника; бегство в царство утопии — это предательство.

---

[1] Леви Бернар-Анри (род. в 1949 г.) — французский философ, представитель «новых философов».

[2] Levi B.-H. La barbarie д visage humain. P., 1977. P. 223.

Вот наша великая и прекрасная задача, если мы вырвемся из сферы насилия, угрожающего разрушить все, начиная с того немногого в демократии, что нам удалось завоевать в борьбе с фашизмом и в защите от внутренних врагов и что представляется минимальным и необходимым условием для ее выполнения.

В условиях общества, спешащего навстречу самоуничтожению, охваченного жаждой смерти, ныне, как никогда, нам необходимо обратиться к созидательному разуму. Не уверен, что этот призыв будет услышан. И если вы мне предложите заключить пари, ставкой которого станет конечное спасение человечества, откажусь. Но я готов сделать ставку на признание, что единственный путь спасения — развитие демократии, предусматривающее контроль всех над земными благами и их равное распределение таким образом, чтобы больше не оставалось ни обездоленных, ни всемогущих. А это и называется социализмом. К счастью, я могу повторить вместе с Гегелем: «Философ не намерен делать пророчеств», поскольку для понимания всей глубины действительности он и так слишком занят. Безоружные пророки — единственные пророки, которые мне по душе, особенно в мире, где так много оружия и так мало пророков.

© Жовтун Д. Т., составитель, 2011